

Глава 6. Обретение дома

— Уа-а!

Резкий, надрывный плач вырвал священного зверя из дремоты. Снежно-белый лис вскочил, выгибая пушистую спинку; он едва заметно повел ушами, а в его хитром взгляде мелькнула досада.

— Уа-а-а!

Крик, раздавшийся совсем рядом, заставил лиса вздрогнуть. Он испуганно взметнул пышным хвостом. Зверёк втянул голову в плечи, мгновенно спрыгнул с кровати, и в комнате полыхнула ослепительная вспышка. Белый мех исчез, и на его месте возникла мужская фигура, исполненная неземного, почти призрачного изящества.

Лин Сяо привычным движением подхватил маленького бога меча и принялся осматривать младенца. Мокрые пелёнки полетели в сторону, а в руках мужчины, стоило ему лишь повести запястьем, тут же возник чистый отрез ткани.

Приведя малыша в порядок, Лин Сяо подошёл к углу комнаты и легонько подтолкнул спящего белого волка носком сапога, поставив перед ним пустую фарфоровую чашу.

Волк приоткрыл мерцающие зелёные глаза, но, не смея роптать, покорно завалился на спину, подставляя брюхо. Зверь терпеливо ждал, пока Лин Сяо сцедит в миску порцию парного молока.

Пришлось изрядно повозиться, прежде чем маленький сорванец наконец угомонился. Наевшись досыта, младенец крохотно икнул. Он смотрел на своего опекуна широко распахнутыми чёрными глазами, в которых плескалась детская невинность, и что-то усердно лопотал, словно пытался поведать о чём-то важном.

Лин Сяо коснулся пальцами розовой, нежной щёчки младенца, и его сердце невольно смягчилось. Если поначалу он воспринимал всё это лишь как игровое задание — своеобразный «симулятор воспитания», движимый чувством долга, — то теперь он и впрямь начал видеть в мальчишке своего ученика. За столько дней забот поневоле привязываешься к ребёнку. Даже небожители не лишены земных привязанностей.

Бережно прижимая к себе младенца, он подошёл к окну и распахнул створки. Прохладный, свежий воздух ворвался в комнату, мгновенно прогоняя остатки сна.

День окончательно вступил в свои права. Спящий городок пробуждался: на пустынных улицах стали появляться первые прохожие, а к небу потянулись струйки сизого дыма из кухонных печей.

Лин Сяо подпёр подбородок рукой и задумчиво произнёс:

— Места здесь красивые, да и люди, кажется, простые и добрые. Как думаешь, осядем здесь?

Он склонился и легонько ущипнул ребёнка за крохотный носик.

— Молчишь? Что ж, буду считать это согласием.

В ответ на это младенец лишь выпустил изо рта череду пузырей.

Когда Лин Сяо спустился в общий зал, время уже близилось к полудню. Немногие свободные столики были заняты гостями, которые под кувшин вина и нехитрую закуску лениво перебрасывались сплетнями.

Вдова Лю, обладавшая поразительной наблюдательностью, мгновенно заметила гостя. Бросив все дела, она поспешила навстречу, на ходу вытирая руки.

— Ох, господин, наконец-то вы спустились! Я всё думала: идти будить или поберечь ваш покой. Час-то уже не ранний, вы, должно быть, проголодались? Присаживайтесь скорее, я мигом соберу обед!

Не дожидаясь ответа, она, покачивая бедрами, вихрем умчалась на кухню.

Стоило хозяйке подать голос, как все посетители дружно обернулись к Лин Сяо. Большинство из них ещё с утра слышали о «красавце с волком», но никто не ожидал, что гость окажется настолько благородным и статным.

Пожилой мужчина с седыми волосами и бородой, попыхивая трубкой, поднялся со своего места.

— Молодой господин, свободных столов нет. Если не побрезгуете обществом старика, присаживайтесь к нам.

Лин Сяо окинул взглядом столик: кроме самого старца там сидел лишь один смуглый крестьянин. Не став ломаться, он подошёл ближе и с мягкой улыбкой кивнул:

— Благодарю вас, почтенный.

Закуска на столе была скудной: тарелка жареного арахиса, немного сушёной редьки да кувшин

обжигающего горло самогона. Старик наполнил чарку до краев и протянул гостю.

— Прошу, господин!

Лин Сяо с вежливым сомнением покачал головой:

— Спасибо за доброту, но я совсем не пью вина.

Это не было ложью. За исключением тех случаев, когда он сам занимался виноделием и должен был снимать пробу, Лин Сяо избегал хмельного. Вино пробуждало в нём память об одном человеке... Том, думать о котором было невыносимо больно.

Старик разочарованно вздохнул:

— Какая жалость! Вино — вещь чудесная, особенно в такие холода. Чарочку опрокинул — и словно грелку за пазуху спрятал.

С этими словами он лихо осушил чарку. Лин Сяо лишь кротко улыбался, сохраняя самый радушный вид.

Старик оказался человеком словоохотливым. Хлопнув вторую, он спросил:

— Сейчас ведь самое время для семейных праздников, как же вас, господин, занесло в наши края? Да ещё и с крохой на руках.

— Бродяга я, неприкаянная душа. Мой дом там, где застанет ночь, — небрежно откликнулся Лин Сяо.

— Так вы из людей цзянху?! — ахнул кто-то за соседним столиком.

Пинъань был захолустным, закрытым городком. Для местных жителей «мир боевых искусств» существовал лишь на страницах дешёвых романов, и встреча с живым героем вызвала у них бурю восторженного любопытства.

К счастью, Лин Сяо обладал завидной выдержкой. Под десятками восхищённых взглядов он не выказал ни тени смущения, ведя себя так естественно, словно и впрямь был тем, за кого его приняли.

— И что хорошего в этом цзянху? — Вдова Лю как раз подошла к столу с подносом. Она ловко расставила блюда с говядиной, зеленью и острым перцем, добавив к заказу кувшин лучшего «Дочернего вина». — Вечно без крыши над головой, всё драки да мечи. Ребёночка жалко,

натерпится он горя с такой жизнью.

Лин Сяо опустил глаза, и он мастерски изобразил тень печали.

— Я и сам понимаю, что для малыша это не дело. Потому и решил подыскать укромный уголок, чтобы осесть.

— Вот это верно! — Вдова Лю звучно хлопнула себя по бедру. — Хороший вы учитель, господин. Мальцу это только на пользу пойдёт.

Лин Сяо ухватился за возможность:

— Мне приглянулся Пинъань. Хоть городок и глухой, зато места здесь дивные, люди добрые, а хозяйка постоянного двора — сама гостеприимность.

— Ха-ха! — Хозяйка довольно расхохоталась. — Глаз у вас верный! Наш Пинъань, может, и не самый богатый, и живём мы скромно, но зато подлецов у нас нет. Случись беда — всей округой на выручку придём. Можете смело здесь селиться, господин. Если что понадобится — только свистните, поможем чем сможем. Соседи, я ведь правду говорю?

Гости в зале наперебой закивали, выказывая самое искреннее радушие.

— Благодарю вас всех! — Лин Сяо поднялся и вежливо сложил руки в приветственном жесте. — Я здесь человек новый и порядков ваших не знаю. Если решу остаться, что мне нужно подготовить?

— Да ничего особенного, — махнула рукой Вдова Лю. — Скажите старосте, он всё и оформит.

Лин Сяо кивнул:

— Понятно. А где мне найти почтенного старосту, чтобы засвидетельствовать своё почтение?

В ответ на этот вопрос в зале повисла короткая тишина, которая тут же сменилась дружным хохотом. Лин Сяо в замешательстве поднял бровь:

— Я сказал что-то не то?

Старик, сидевший за его столом, медленно поднялся и с улыбкой произнёс:

— Моя фамилия Цяо. Я и есть староста Пинъаня.

— Простите мою неосведомлённость, почтенный староста Цяо! — Лин Сяо поспешно поклонился. — Виноват, не признал.

— Полно вам, господин, — отмахнулся тот. — Я только рад, что вы выбрали наш городок. Знаете что... На востоке, у лотосового пруда, как раз есть пустошь. Лучшего места для дома не найти.

Не успел Лин Сяо поблагодарить, как заговорил смуглый крестьянин:

— Праздники как раз закончились, у народа время есть. Вы только скажите, господин, и мы за месяц срубим вам дом — любо-дорого будет посмотреть!

Присутствующие одобрительно загудели. Тут в разговор снова вмешалась Вдова Лю:

— А может, и строить ничего не надо? В семье Сюй Сань продаёт дом. Если господин его купит, то и себе время сэкономит, и старухе Сюй великую услугу окажет.

Староста Цяо на мгновение задумался, а затем вопросительно глянул на Лин Сяо:

— Что скажете, господин?

— Мне всё равно, — улыбнулся Лин Сяо. — Лишь бы была крыша над головой. Полагаюсь на ваше решение, староста.

— Решено! — Староста хлопнул ладонью по столу. — Трапезничайте спокойно, а после я сам вас провожу.

Будучи небожителем, Лин Сяо не нуждался в пище, но, решив прожить среди смертных несколько десятков лет, он понимал: нужно привыкать к их укладу. Впрочем, поесть он любил всегда, даже после обретения бессмертия — иначе его фигура не была бы столь... внушительной.

Кувшин вина он презентовал старосте Цяо, сочтя это достойным ответным жестом. «Кажется, я всё лучше справляюсь с ролью человека», — подумал он.

Закончив с обедом, Лин Сяо коротко свистнул. Огромный белый волк бесшумной тенью возник подле него. Несмотря на то что посетители уже слышали о звере, вид столь грозного хищника заставил многих в испуге вжаться в лавки.

Дом семьи Сюй находился на самом западном краю городка. Место было уединённым, а само здание — добротным, с тремя просторными комнатами под черепичной крышей, выстроенными лишь в прошлом году.

Лин Сяо недоуменно спросил:

— Дом совсем новый. Зачем же его продавать?

— Эх, беда в семью Сюй пришла, — вздохнул староста Цяо, попыхивая трубкой. — Старуха Сюй сама не здешняя, замуж сюда пришла. Жизнь её не баловала: рано овдовела, одна сына тянула. Сын её, Сюй Сань, парнем был справным да работящим. Дела пошли в гору, в прошлом году вот дом новый поставили, женились... Я сам его и сватал. Жена его, умница, и года не прошло, как сына родила. Старуха Сюй тогда просто светилась от счастья. Мы все за них радовались.

Староста замолчал, выпустив облако горького дыма.

— Но правду говорят: человек предполагает, а небо располагает. Кто ж знал, что так обернётся? Супруга его после родов занедужила — видать, просквозило её где-то. Лекарства не помогали, и Сюй Сань, души в ней не чаявший, решил везти её в большой город к лекарям. Уехали они... да так и не вернулись.

— Что произошло? — негромко спросил Лин Сяо.

— Пинъань — место глухое, до ближайшего города два дня пути. Раньше-то ничего, а в последние годы на тракте шайка разбойников объявилась. Купцов грабили, убивали... Наши-то, если в город надо, всегда по несколько человек собирались. Сюй Сань же за жену испугался, ждать не стал, в одиночку в путь пустился. Старуха Сюй глаза проглядела, внука баюкая, всё ждала их у ворот. А дождалась лишь дурных вестей. Тело Сюй Саня в лесу у дороги нашли, а жену его... — Староста помрачнел. — Она сама с собой покончила, язык откусила, чтобы позора избежать. Ироды проклятые... Денег им мало было, на красоту её позарились.

Лин Сяо сочувственно кивнул:

— Гнусное злодеяние. Неужели власти бездействуют?

Староста безнадежно развёл руками:

— А что власти? Пинъань — крохотная точка на карте, кому из больших чиновников до нас дело есть? Я сам в уезд ездил, денег возил, да только толку ноль. Не нужны мы им. Бедная старуха Сюй... Как вести пришли, она плакать не переставала. Лекарь говорит, зрение она совсем потеряла, только свет от тьмы отличить может. Вот и мается теперь полуслепая бабка с младенцем на руках. На что им жить — ума не приложу.

— Горькая доля, — отозвался Лин Сяо.

В душе его не дрогнула ни одна струна. Боги милосердны, но холодны. Он слышал о трагедиях в тысячу раз страшнее этой, и сердце его давно привыкло к брэнности человеческого бытия.

Пока они шли, белоснежный волк приковывал к себе взгляды каждого встречного. Если бы не слухи, пущенные Вдовой Лю, такая тварь вызвала бы в городе настоящую панику.

Низкий глиняный забор скрывал внутренний двор, над которым вился уютный дымок. Староста Цяо громко постучал в деревянные ворота:

— Есть кто живой? Старуха Сюй, ты дома?

— Иду, иду! — донёсся дребезжащий голос.

Вскоре послышался стук клюки, и ворота со скрипом отворились. На пороге появилась сгорбленная женщина с седыми волосами и лицом, изборождённым глубокими морщинами. Она прищурилась, пытаясь разглядеть гостей.

— А, это вы, староста... Проходите, проходите скорее.

Дворик был маленьким и аккуратным. Большую его часть занимал огород, обнесённый плетнём. У стены росло коричное дерево; сейчас, в разгар зимы, его голые ветви были припорошены снегом. Под деревом стояли грубо сколоченные стол и скамьи. Легко было представить, как в пору цветения здесь сидела счастливая семья... Теперь же эта тишина казалась мёртвой.

Староста Цяо сразу перешёл к делу:

— Я по тому вопросу, о котором ты просила перед Новым годом. Знаю, как тебе тяжело одной с дитём. Вот, привёл покупателя.

— Спасибо вам, староста, — старуха Сюй вытерла лицо краем рукава и повернулась к Лин Сяо, щурясь. — Значит, это вы хотите дом купить?

— Господин — иноземец, решил у нас в городке осесть, — пояснил Цяо. — У него тоже на руках младенец, почти как твой внук.

При упоминании внука старуха Сюй едва заметно улыбнулась.

— Господин, могу ли я просить вас об одном одолжении?

— Говорите, матушка, — мягко ответил Лин Сяо.

— Видите ли... Хотя я и продаю дом, но две старые пристройки в восточной части хотела бы оставить за собой. Знаю, негоже двум семьям на одном дворе ютиться, да только идти нам с внуком некуда. Сделайте милость, господин, не гоните нас.

Лин Сяо на мгновение задумался. Староста Цяо, хоть и сочувствовал женщине, понимал, что такая просьба не совсем уместна.

— Сделаем так, — наконец произнёс Лин Сяо. — Матушка, вам вовсе не нужно перебираться в лачуги. Живите там же, где жили, а плату за дом я внесу полностью, до последнего медяка.

— Что вы, как же так можно! — всплеснула руками старуха.

— Это ведь несправедливо по отношению к вам! — поддержал её староста Цяо.

Лин Сяо покачал головой:

— Послушайте меня. Я не буду сидеть дома круглыми сутками, мне придётся отлучаться по делам. Не всегда я смогу брать ребёнка с собой. Кто за ним присмотрит, если не вы?

Старуха Сюй закивала:

— Конечно, конечно! Я за вашим крохой пригляжу, и в старой хижине живя.

Лин Сяо улыбнулся и продолжил:

— К тому же я мужчина, и в домашних делах совсем не разбираюсь. Готовка, уборка... Мне нужна ваша помощь. За это я буду ежемесячно платить вам небольшое вознаграждение. Что скажете?

Старуха Сюй лишилась дара речи от такой неожиданной удачи.

— Но... Господин... Вы и так даёте нам кров. Какие деньги? Не беспокойтесь, хоть я и стара, и глаза подводят, но с хозяйством управлюсь, всё будет в лучшем виде!

— Я верю вам. Но деньги всё же берите. Если не ради себя, то ради будущего своего внука.

Старуха заколебалась, не зная, что ответить. Староста Цяо подтолкнул её:

— Да не упрямясь ты! Господин человек добрый, соглашайся.

Старуха Сюй прослезилась и принялась мелко кланяться, рассыпаясь в благодарностях.

Лин Сяо никогда не придавал большого значения жилищу. Обстановка в доме была почти новой, мебель добротной — и он решил ничего не менять. В тот же вечер он перебрался в своё новое жилище.

В центре широкой кровати, свернувшись клубочком вокруг младенца, сладко спал толстый белый лис.

<http://bllate.org/book/17402/1654540>